

Константин Тарасов

ГРАЖДАНИН КУЗЬМА МИНИН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ОБРАЗА ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЖЕРТВЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Тарасов Константин Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге; ktarasov@eu.spb.ru

Tarasov Konstantin Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of European University at St. Petersburg; ktarasov@eu.spb.ru

Аннотация: Статья представляет собой анализ использования образа Кузьмы Минина в контексте Первой мировой войны и Российской революции 1917 г. В политических текстах этого времени Минин выступал как символ патриотизма и жертвенности гражданского населения. Автор исследует конфликтные интерпретации этого образа разными политическими группами для патриотической мобилизации и влияния на общественное мнение. В годы Первой мировой войны монархисты и либералы оспаривали друг у друга право считаться «потомками» знаменитого нижегородца. После начала революции организатор Второго ополчения стал символом активного гражданства, который применялся для агитации в поддержку различных патриотических инициатив. Современными Мининскими могли называть политических лидеров, его имя использовалось социальными группами для самооправдания своей деятельности. Вместе с тем образ Минина стал инструментом критики недостаточной общественной активности и патриотизма. Консервативные и либеральные газеты обвиняли в «классовом эгоизме» низы общества, социалистическая пресса порицала предпринимателей за нежелание жертвовать во благо родины. Как итог, образ Минина трансформировался, отражая глубокие классовые расколы и разочарование в нежелании различных слоев общества содействовать защите страны.

Abstract: This article presents an analysis of the use of the Kuzma Minin's image in the context of the First World War and the Russian Revolution of 1917. In the political texts of this time, he served as a symbol of patriotism and the sacrifice of the civilian population. The author explores conflicting interpretations of this image by different political groups for patriotic mobilization and influence on public opinion. During the First World War, monarchists and liberals contested each other's right to be considered the "descendants" of the famous figure from Nizhny Novgorod. During the revolution, the organizer of the Second People's Militia became a symbol of active citizenship, with his image being used for agitation in support of various patriotic initiatives. Various political figures could be called modern Minin, and his name was used by social groups to justify their activities. At the same time, Minin's image became a tool for criticizing insufficient public activity and patriotism. Conservative and liberal newspapers accused the lower classes of "class egoism", while the socialist press criticized entrepreneurs for their unwillingness to sacrifice for the good of the country. As a result, Minin's image transformed, reflecting deep class divisions and disappointment in the unwillingness of various social strata to actively participate in the defense of the country.

Keywords: citizenship, patriotism, political struggle, Revolution of 1917, First World War, image of a hero.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, политическая борьба, Революция 1917 г., Первая мировая война, образ героя.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: Культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.73.38.002

The research was supported by the Russian Science Foundation № 20-18-00369-P "The processes of legitimization of violence: Conflict cultures in Russia and the escalation of Civil War".

Konstantin Tarasov

Citizen Kuzma Minin: Political struggle around the image of patriotic sacrifice during the First World War and the Revolution of 1917

В современной историографии период Российской революции 1917 г. и Гражданской войны довольно часто называются смутой. В одних случаях это попытка концептуализировать революцию, рассматривая ее, как и события XVII в., в качестве крупного системного кризиса империи и особенного психоэмоционального состояния жителей страны. В других — это скорее выразительная метафора, подчеркивающая иррациональность волнений этого периода¹. Хорошо известно, что и современники революции сравнивали ее с эпохой Смутного времени. Достаточно вспомнить хотя бы воспоминания А. И. Деникина «Очерки русской смуты». А. В. Шмелев недавно отметил, что подобные исторические аналогии, как правило, проводили представители центра и правого крыла политического спектра России. Таким образом политики и общественные деятели выражали надежду, что, как и 300 годами ранее, Гражданская война закончится народным восстанием против большевиков, их изгнанием из страны и, возможно, восстановлением монархии².

Тем не менее исторические аналогии со Смутным временем не исчерпывались попытками заглянуть в будущее. Уже к 1830-м гг. события XVII в. стали своеобразным мифом основания российской государственности, а образы исторических персонажей этого времени использовались для национальной мобилизации³. С. Смит-Питер в недавней статье показала,

1 Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009; Люкшин Д. И. Вторая русская смута: Крестьянское измерение. М., 2006; Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. См. также серию «Русская смута 1917–1922» издательства «Вече».

2 Шмелёв А. В. Революция или смута? Poleмика о событиях 1917 г. и последующих лет // Слова и конфликты: Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России / под ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб., 2022. С. 61.

3 Зорин А. А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 161, 173–177.

насколько противоречивыми оказались нарративы о князе Дмитрие Пожарском в XIX в. Исследовательница выделила несколько сосуществовавших образов военного предводителя ополчения: спаситель династии, защитник нации и символ народной инициативы и самоорганизации. За каждым из них стояли разные политические силы. Рассказ о дебатах в отношении исторического персонажа позволили Смит-Питер показать разное видение взаимоотношений общества и государства в их авторитаристском, националистическом или гражданственном вариантах⁴.

Л. Н. Киселева в своем исследовании показала, как в литературных поисках национального героя первой трети XIX в. все большее внимание привлекал другой лидер Второго ополчения — Кузьма Минин. По мнению исследовательницы, авторы стали делать акцент на том, что нижегородский староста не просто собрал средства для войска, а являлся вдохновителем всего народного подвига. Тогда он приобрел наименование «спаситель отечества» и назывался примером гражданственности⁵. В. П. Сапон отметил, что образ Кузьмы Минина оставался мобилизующим символом вплоть до Первой мировой войны. На материалах Нижегородской губернии историк описал целый ряд мероприятий, где имя знаменитого нижегородца использовалось в патриотических целях: помощь армии, поддержка государственного займа, панихиды, сбор средств на памятник руководителям Второго ополчения, торжества к трехсотлетию кончины Минина. Образ нижегородского старосты в очередной раз актуализировался в годы Первой мировой войны, поскольку от тыла требовалось активно помогать фронту. Имя Минина использовали как символ необходимых общих жертв, объединяющих население⁶.

В годы Первой мировой войны язык жертвенности применяли все стороны конфликта. Государство и различные полити-

4 Smith-Peter S. Pozharskii's Grave and the Search for the Russian Nation in the Nineteenth Century // *Slavic Review*. 2023. Vol. 82. № 1. P. 69–89.

5 Киселева Л. Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в. // Лотмановский сборник. [Вып.] 3. М., 2004. С. 73, 79, 83.

6 Сапон В. П. «Козьма Минин... встает и, смотрит на нас...» (Мининский подвиг как фактор патриотической мобилизации российского общества в годы Первой мировой войны) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 4 (27). С. 49.

ческие и общественные группы стремились укрепить связи внутри гражданского населения практиками участия в общих жертвах. При этом в публичном дискурсе осуждению подвергались те, кто, как считалось, испытывал меньшие лишения, извлекал выгоду из войны, не рискуя своей жизнью. Как показал Жан-Луи Робер, и в Британии, и во Франции, и в Германии образ «спекулянта» (*profiteer*) собрал в себе все примеры неприемлемого поведения в военное время: распутство, легкомыслие, показная роскошь, эгоизм, цинизм, пошлость, поиск личной выгоды, лень, некомпетентность⁷. В Российской империи дороговизна вызвала обвинения и производителей, и торговцев в «спекуляции». Их считали недостаточно патриотичными в условиях войны, где превозносились служение и жертвы. Накануне же революции недовольство усилилось до уровня, когда предпринимателей стали называть внутренними врагами, более опасными, чем внешний противник⁸.

Нижегородский староста Кузьма Минин олицетворял качества, противоположные тем, что приписывались «спекулянту»: патриотизм и жертвенность гражданского населения. Анализ использования образа Минина в прессе военного времени поможет оценить потенциал патриотической мобилизации и сплочения общества в России в годы войны и революции. Основным источником данного исследования являются газеты Первой мировой войны, особое внимание уделяется эпохе Революции 1917 г.

Минин-монархист и Минин-либерал

К началу Первой мировой войны имя нижегородского старосты неоднократно поминалось в прессе из-за череды юбилеев: 1911 г. (300-летие создания ополчения), 1912 г. (300-летие подвига Минина и Пожарского), 1913 г. (300-летие воцарения Михаила Федоровича). Если первые два скорее стали локальными торже-

7 Robert J.-L. The image of the profiteer // *Capital cities at war*. Paris, London, Berlin 1914–1919 / eds. J. Winter and J.-L. Robert. Cambridge, 1997. P. 104–132.

8 Stockdale M. *Mobilizing the Russian Nation: Patriotism and Citizenship in the First World War*. Cambridge, 2016. P. 207–208.

ствами Нижнего Новгорода, то во время церемоний, посвященных 300-летию дома Романовых, 17 мая 1913 г., город посетил сам Николай II. Приветствуя его, архиепископ Нижегородский Иоаким «указал на подвиг Минина, потомки которого, нижегородцы, беззаветно преданы державному своему вождю»⁹. Император присутствовал на молебне и литии у могилы Минина в Михайло-Архангельском соборе, а затем — при закладке памятника лидерам Второго ополчения¹⁰. В эти дни Кузьма Минин чествовался как спаситель государства, поспособствовавший установлению царствующей династии.

Образ организатора Второго ополчения, используемый в качестве патриотического символа, оказался популярным при общественной мобилизации во время военных кризисов. В период Балканских войн памятник Минину и Пожарскому в Москве стал центром манифестаций в пользу вмешательства России на стороне славянских стран¹¹. Этот же монумент стал обязательной точкой для многотысячных шествий в поддержку войны периода Июльского кризиса 1914 г.¹² А 18 июля 1914 г. у постаменты состоялся крупный митинг и молебствие, санкционированные градоначальником. Сюда были вынесены иконы и хоругви из Успенского собора и храма Василия Блаженного, а сам памятник был украшен флагами России и славянских государств¹³. В своей речи к собравшимся протоиерей Иван Восторгов, призывая к единению, вспомнил жертвенность лидеров Второго ополчения: «Мы на все готовы, мы все отдадим, как этот Минин и Пожарский! За крест! За православие! За оскорбленную правду! За угнетенное славянство! За родину святую!»¹⁴ В этом контексте можно увидеть преемственность образов героев Смутного

9 Торжества в Н. Новгороде // Московские ведомости. 1913. 21 мая.

10 Торжества в Н. Новгороде; Дневники императора Николая II, 1894–1918. Т. 2: 1905–1918. Ч. 1: 1905–1913. М., 2013. С. 758, 815.

11 Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 337.

12 Патриотические манифестации // Московские ведомости. 1914. 17 июля; Патриотические манифестации // Московские ведомости. 1914. 18 июля; Молебствия // Речь. 1914. 23 июля; Московская хроника // Московские ведомости. 1914. 24 июля.

13 Телеграммы // Русский инвалид. 1914. 19 июля; В Москве // Речь. 1914. 19 июля.

14 Восторгов И. К молитве и единению // Московские ведомости. 1914. 19 июля.

времени в значении «национальных святых», о котором писала Смит-Питер. В ритуалах отчетливо видно смешение национальных символов с религиозными.

Отсылка к деятельности Пожарского и особенно Минина в дальнейшем использовалась для агитации в поддержку государственного займа в 1916 г. Участие в нем, как и подвиг героев Смутного времени, подавалось как проявление патриотических чувств и гражданского долга¹⁵. На плакатах займа использовался узнаваемый силуэт московского памятника Минину и Пожарскому с надписью «Отечество нуждается в вашей помощи»¹⁶.

Образ Кузьмы Минина оказался крайне важным для монархистов. Именно в Нижнем Новгороде 26–29 ноября 1915 г. правые организации решили провести одно из самых крупных своих совещаний — Всероссийский монархический съезд. Открывавший заседания Н. Н. Родзевич отметил, что Россия, как и 300 лет назад, переживает «смутное состояние», и призвал монархистов сплотиться. Примером для делегатов он назвал Минина, «русского черносотенца»¹⁷. Это имя употреблялось на съезде неоднократно. Н. Е. Марков предложил прозрачные аллюзии с XVII в. Правый политик подчеркнул, что нижегородский староста боролся с «ворами», то есть государственными преступниками. «Прямыми наследниками прежних воров» политик считал Прогрессивный блок Государственной думы. Очевидно, что себя и своих единомышленников Марков ассоциировал с Кузьмой Мининым¹⁸. Похожим образом высказался епископ Иоаким, призывая собравшихся объединиться по примеру Минина против врага. Как и Марков, он имел в виду не внешнего противника,

15 Перед новым займом // Рижское утро. 1916. 8 февраля; П. Ш. Служение родине (по поводу военного займа) // Финляндская газета. 1916. 25 мая.

16 Плакаты о займе 1916 года // Новое время. 1916. 23 февраля.

17 Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. Т. 2: 1911–1917. М., 1998. С. 496. Само понятие «черная сотня» отсылало к городскому ополчению периода Московского царства. Так называлось и нижегородское ополчение Смутного времени во главе с Кузьмой Мининым (см.: Иванов А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: Дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. 2022. № 4. С. 889–890). Называя героя Смутного времени «черносотенцем», с одной стороны, использовали историческое понятие, с другой, возводили свою собственную генеалогию к историческому персонажу.

18 Правые партии. 1905–1917 гг. С. 498.

а «самозванных людей», восстающих против Церкви и власти¹⁹. Резолюция съезда напрямую говорила о том, что монархисты собрались «у гробницы Минина» с тем, чтобы объединиться против «всех темных разрушительных сил страны», куда вошли «еврейство», левая печать, Прогрессивный блок и «всякие народившиеся союзы»²⁰. Иными словами, для правых лидер Второго ополчения оставался важным символом поддержки самодержавия. Натянутые же исторические аналогии показывают восприятие ими появления политической оппозиции как антигосударственного начала, с которым необходимо бороться.

Впрочем, не одни только сторонники самодержавия претендовали на роль «наследников» Минина. Либеральные «Русские ведомости» подвергли критике одного из ораторов Всероссийского монархического съезда, упомянувшего, что правые следуют заветам великого нижегородца. Настоящими его последователями газета назвала парламентариев Государственной думы, указывая, что Минин «спасал отечество по совету со всей землею»²¹. Правомонархические «Московские ведомости» парировали, что результатом деятельности лидера Второго ополчения стало «единодушное избрание Царем и самодержцем всея Руси Михаила Федоровича Романова», и в этом смысле земские соборы отличаются от парламентов западного образца²².

Полемика вокруг «наследия» Минина активизировалась к 300-летию со дня его смерти, 8 мая 1916 г.²³ Вполне понятно, что контекст задавала Первая мировая война, требовавшая новой общественной мобилизации к концу второго года конфликта. Комитет по организации Мининских торжеств сформулировал идею юбилея следующим образом: «...как и 300 лет назад, мощь государства питается силами и бодростью духа всего русского народа. Чествование это, напоминающее о беззаветно преданных отчизне героях прошлого, славного богатырскими подвигами избавителей России от “конечных гибели”, поднимает чув-

19 Всероссийский съезд монархистов // День. 1915. 29 ноября.

20 Правые партии. 1905–1917 гг. С. 500.

21 Цит. по: Кузьма Минин и наши политиканы // Московские ведомости. 1915. 29 ноября.

22 Кузьма Минин и наши политиканы.

23 См. об этом: Салон В. П. «Кузьма Минин... встает и, смотрит на нас...». С. 44–50.

ство патриотизма среди народа и дает ему утешение в тяжелые минуты»²⁴.

В первой половине мая пресса довольно активно обсуждала символическое значение фигуры Минина. Московский городской голова, член Прогрессивного блока М. В. Челноков в эти дни высказался, что нижегородский староста «сумел объединить всю городскую и земскую Россию на всенародный подвиг страны»²⁵. Нижегородский городской голова Д. В. Сироткин в речи по случаю Мининских торжеств представил Минина «земским человеком, явившимся по выбору населения к управлению городом». По мнению историка и члена кадетской партии А. А. Кизеветтера, Минин был выборным от населения человеком, а не чиновником²⁶. Сотрудник «Нового времени» противопоставлял «сермяжную и торговую Русь», заговорившую голосом Минина, «обанкротившемуся боярству и московской бюрократии»²⁷. Историк М. А. Полиевктов в статье для газеты «День» указывал, что подвиг Минина был примером реализации национального долга, инициативы снизу. Вместе с тем, по его словам, «в наши дни это имя нередко провозглашают, как лозунг охраны существующего порядка от новой надвигающейся “смуты” и “разрухи”»²⁸. Либеральные деятели, считая себя «преемниками» Минина, своими историческими аналогиями подчеркивали, что для победы в войне необходимо более активное привлечение земского движения в управлении страной.

В свою очередь, «Московские ведомости» упрекали либеральную печать в том, что она видела Минина «радикальным городским головой нашего времени», представителем оппозиционной буржуазии, «вождем общественности, враждебным чуть ли не всякой государственности», а не «монархистом, горячо преданным Царской наследственной самодержавной власти, ревностнейшим сыном православной Церкви и защитником самобытной Руси от засилья иноземщины и смуты»²⁹. Консерва-

24 Сапон В. П. «Козьма Минин... встает и, смотрит на нас...». С. 48.

25 Пребывание английского посла // Новое время. 1916. 12 мая.

26 Ренников А. Смерть Минина // Новое время. 1916. 13 мая.

27 Поселянин Е. Минин // Новое время. 1916. 8 мая.

28 Полиевктов М. Козьма Минин // День. 1916. 8 мая.

29 Среди газет // Московские ведомости. 1916. 10 мая.

тивная пресса порицала промышленников как псевдо-Мининых, которые только прикрываются лозунгом спасения отечества, а на деле наживаются на войне, становясь причиной дороговизны³⁰. «Где среди теперешней буржуазии Кузьмы Минины, готовые все отдать родине, пожертвовать “значительную часть своего состояния” на дело защиты отчизны от страшного врага?» — риторически спрашивал сотрудник «Московских ведомостей»³¹.

Сотрудник консервативного «Нового времени» А. М. Ренников иронизировал по поводу оспаривания либералами и монархистами друг у друга образа знаменитого нижегородца: «Явись Минин сейчас, левые обвинили бы его в черносотенной религиозной нетерпимости и ретроградстве, а правые доложили бы губернатору, что земский староста Минин устраивает недозволенный сбор. Герою, как и всякой большой исторической фигуре, нужно совершенно истлеть телом, чтобы люди могли мирно поделить между собою его душу»³².

Впрочем, и сам Ренников не остался в стороне от использования исторических аналогий для критики «наследников» Минина. Вот так он представлял речь современного мясника (считается, что Минин был «говядарь», торговец мясом): «Великий Минин! ... Мы, все мясоторговцы, переживаем тяготы войны с мужеством, достойным истинных граждан. И ты не смотри на то, что среди нас нет ни одного сухорукого, а все толсты и жирны. Мы страдаем за родину не меньше тебя и готовы каждую минуту с радостью идти освобождать своих братьев, заключенных под стражу в административном порядке...»³³ Таким образом, мелкие лавочники обвинялись в отсутствии патриотических чувств.

Сатирик Д'Ор (И. Л. Оршер) уже буквально попытался представить себе появление исторического Минина в новых

30 NNN. Осада власти // Московские ведомости. 1915. 15 августа; Обозреватель. Среди газет // Московские ведомости. 1915. 13 ноября; Немирович-Данченко В. Выгоревшие души // Русское слово. 1915. 25 ноября; Среди газет // Московские ведомости. 1916. 27 апреля; Вильде А. Купец и торгаш // Новое время. 1916. 4 июня; В обществе 1914 года // Новое время. 1916. 21 июля; Среди газет // Московские ведомости. 1916. 14 октября.

31 Хлынов Н. Тогда и теперь (из заметок современника) // Московские ведомости. 1916. 13 мая.

32 Ренников А. Смерть Минина // Новое время. 1916. 13 мая.

33 Ренников А. 300-летие кончины Минина // Новое время. 1916. 27 февраля.

реалиях. В фельетоне для газеты «День» он изобразил появление нижегородского старосты в 1916 г. По сюжету к губернатору доставляют мясника, который речами своими «смущает народ». На слова, что он стремился пробудить народ для борьбы с врагом, Минин получает ответ: «Так ты, значит, пробудить народ хотел?.. Без разрешения начальства хотел Москву спасти?.. Да я тебя. Крамольника... .. Я вам покажу, как сеять смуту... Я тебе покажу “нужны силы”...»³⁴ Суть этой сатиры была в том, что правительство, удушая общественную инициативу, мешало активным людям совершить гражданский подвиг, сравнимый с мининским.

Кто новый Минин?

Накануне революции газеты искали деятеля, который бы мог именоваться новым Мининым. «Колокол», газета правого направления, считала, что таковым может стать председатель думы М. В. Родзянко³⁵. «Маленькая газета» в декабре 1916 г. назвала князя Г. Е. Львова, главу объединенного комитета Земского союза и Союза городов, лучшим претендентом на роль Минина, который бы «в смутное время устроил хозяйство ее и дал возможность довести войну до победы»³⁶. Смысл этих сравнений, однако, был разный. В отношении Родзянко выражалась надежда, что он сможет стать опорой монархии, а князя Львова явно прочили в премьеры правительства народного доверия.

Уже после падения монархии издатель «Маленькой газеты» А. А. Суворин повторил, что Временное правительство во главе с князем Львовым являлось Мининым³⁷. Образ правительства как коллективного Минина неоднократно использовался в это время в агитации. Например, министр земледелия А. И. Шингарев на съезде представителей продовольственных организаций в мае 1917 г. убеждал собравшихся: «Триста лет тому назад Россию спас

34 Д'Ор О. Л. Кузьма Минин (историческая быль) // День. 1916. 10 мая.

35 Цит. по: Римский сенат, Серафим Саровский и М. В. Родзянко // День. 1916. 20 июля.

36 Маленькая газета. 1916. 11 декабря (цит. по: Военно-полевой суд // Маленькая газета. 1917. 29 июня).

37 Суворин А. [Редакторская статья] // Маленькая газета. 1917. 2 апреля.

энтузиазм, зажженный Мининым и Пожарским. Надо раздуть огонь народного энтузиазма. Если министр Керенский вызовет энтузиазм в армии, а Пешехонов в области народного продовольствия, они спасут Россию»³⁸. В глазах сторонников Временного правительства оно должно было само превратиться в патриотический символ.

В первые месяцы 1917 г. как о новом спасителе страны, подобном Минину, в первую очередь говорили, конечно, об А. Ф. Керенском³⁹. Московский служащий Н. П. Окунев записал в дневнике в майские дни: «Керенский ездит по фронту, целуется, говорит, как Минин, его качают, аплодируют, дают клятвы идти, куда велит, но на деле этого не показывают: погрызывают подсолнушки да заявляют разные требования»⁴⁰. Прозрачные исторические аналогии проявились в период проведения Московского государственного совещания 12–15 августа. На одной стороне листовки, посвященной этому событию, были отеснены Успенский собор, где заседал Земский собор 1613 г., и Кузьма Минин, на другой — Большой театр, место заседаний совещания, и А. Ф. Керенский⁴¹. В глазах других пост военного министра делал Керенского скорее похожим на князя Пожарского⁴². Однако историк Ю. В. Готье, специалист по XVII в., сомневался в обоснованности таких исторических аналогий. Хотя, с его точки зрения, «1917 подобен 1611», А. Ф. Керенский ему напоминал Прокопия Ляпунова, неудачливого лидера Первого ополчения⁴³.

Популярным приемом в газетах было использование имени Минина для того, чтобы иронизировать над теми политическими деятелями, которые претендовали на роль «спасителей отечества». В разное время от разных политических сил такое имя получали

38 Министр Шингарев и мукомолы // Русская воля. 1917. 12 мая.

39 Хлебный съезд — речь Шингарева // Воля народа. 1917. 12 мая; Ф-н А. Письмо в редакцию // Армейский вестник. 1917. 17 мая; Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 26 мая; Степанов Н. Будьте бодры // Солдатская мысль. 1917. 27 июля. О формировании культа А. Ф. Керенского см.: Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» март — июнь 1917. М., 2017.

40 Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1920. Т. 1. М., 1997. С. 44.

41 Пиленко А. Впечатления // Новое время. 1917. 12 августа.

42 Русская промышленность о войне // Русская воля. 1917. 26 мая; Казачий съезд // Новое время. 1917. 10 июня.

43 Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 23.

министры А. И. Гучков (в мае)⁴⁴, М. И. Скобелев и князь Г. Е. Львов (в июне)⁴⁵, В. М. Чернов и И. Г. Церетели (в июле)⁴⁶. В сентябре 1917 г. образ псевдо-Мининых распространился и на большевиков, занявших ключевые позиции в Петроградском совете. Массовая городская газета «Петроградский листок» писала: «Ибо нет Минина, который бы приказал, как было в Нижнем: — Велите в колокол большой ударить, чтобы народу собралось побольше. Нахамкес не ударит в колокол. Троцкий не пойдет на жертву. Интернационалисты!»⁴⁷

По иронии как раз в то время как газеты развивали агитацию в поддержку правительственного займа, стали появляться публикации о вредной деятельности царицынского большевика С. К. Минина. Фельетонисты подхватили тему, подчеркивая противоположности однофамильцев: один призывал к единению, другой разъединял народ⁴⁸; один — гражданин, воодушевлявший на защиту родины, а второй — «разбойник сущий»⁴⁹; один «смуту усмирил», второй ее усилил⁵⁰. «Петроградский листок» опубликовал в середине июня стихотворение «Автономный азарт», посвященное разнообразным сепаратистским движениям. Там были такие слова: «К захвату власти / Стремись, не трусь — / Крои на части / Былую Русь! / Кто неповинен / В грехе таком? / Стал даже Минин / Большевиком!»⁵¹ «Русская воля» использовала имя царицынского революционера как нарицательное, называя «нынешними Миниными, Миниными 1917 г.» антиправительственные силы в разных уголках страны⁵². Сотрудник той же газеты писал в середине августа, что в течение всей революции безуспешно искали преемников Минину и Пожарскому. «Нашли лишь царицынского Минина — и ужаснулись

44 Строев В. Плач по «романтике» // Новая жизнь. 1917. 2 мая.

45 Отшельник. Обезглавленная демократия // Новое время. 1917. 3 июня.

46 Червоный А. Ценз комиссаров Врем[енного] Правительства // Рабочий и солдат. 1917. 29 июля.

47 Ю. Исаакиевские колокола // Петроградский листок. 1917. 28 сентября.

48 Ренников А. Маленький фельетон. День займа свободы // Новое время. 1917. 28 мая.

49 Дядя Селифан. [Фельетон] // Газета для всех. 1917. 14 июня.

50 Родя. Однофамилец // Газета для всех. 1917. 12 августа.

51 Лебедев В. Автономный азарт // Петроградский листок. 1917. 12 июня.

52 Лежнев И. Минин 1917 г. // Русская воля. 1917. 25 июля.

уродству этой фатальной исторической насмешки»⁵³. Появление Минаина-большевика подавалось как тревожный симптом времени и горькая насмешка судьбы в тот момент, когда требовалось общее единение.

Показательно, что саратовский эсер А. А. Минин не удостоился такого внимания в прессе, хотя он, примыкая к умеренному крылу партии, гораздо лучше вписывался в образ патристически настроенного политика. При этом он, как и однофамилец-большевик, являлся очень заметным деятелем местного совета, так же был делегатом съезда своей партии и избирался от того же Саратовского избирательного округа в Учредительное собрание⁵⁴. По всей видимости, антипример лучше выражал отношение части прессы к революции. Ажиотаж вокруг своего имени оказался выгодным и для самого С. К. Минаина. Местные железнодорожники повесили в депо доску в его честь и портрет, прославляя его как «учителя свободы»⁵⁵. Царицынский большевик эксплуатировал память о своем однофамильце, подписывая документы «гражданин Минин»⁵⁶.

Были и те, кто видел в этом совпадении имен не просто злую иронию, а фатальное предзнаменование. Андрей Белый в письме Иванову-Разумнику пытался предсказать события, которые должны были развиваться по образу Смуты XVII в. Он предвидел захват власти Лениным летом 1917 г. После этого царицынский Минин под «левым знаменем» должен был объявить поход для освобождения России от большевиков. В итоге в ноябре 1917 г. вместо Учредительного собрания, по мнению писателя, Россию ждало избрание великого князя Михаила Александровича на царство⁵⁷. Иными словами, Андрей Белый буквально переносил персонажей и хронологию Смутного времени в новые реалии, возвращаясь к образу Минаина как спасителя самодержавия.

53 Новоков Б. Историческое // Русская воля. 1917. 16 августа.

54 Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1: Февраль — октябрь 1917 г. М., 2000. С. 905.

55 «Социал-дьячок» // Русское слово. 1917. 12 июля.

56 Токмарев В. И. Царицын: От Февраля до Октября // Отчий край. 2017. № 1 (93). С. 85.

57 Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 119.

Быть гражданином

После падения монархии гражданственный образ Минина оказался наиболее востребованным. Так, особое символическое значение в период революции приобрел памятник Минину и Пожарскому в Москве. Именно его выбрали в качестве центральной точки военного парада 4 марта 1917 г. Войска Московского гарнизона были выстроены фронтом к монументу, у подножья которого стояли представители общественных организаций с красными флагами и московское духовенство с хоругвями. В руке фигуры Пожарского укрепили красный флаг с надписью «Утро свободы сияет светлым днем». Здесь было отслужено «благодарственное молебствие за освобождение страны», а затем войска прошли мимо Минина и Пожарского⁵⁸.

Четыре месяца спустя, 2 июля, у монумента вновь прошла крупная военная демонстрация, приуроченная к взятию российскими войсками Галича. Здесь состоялось торжественное молебствие по случаю побед в Галиции, которое провел московский митрополит Тихон, будущий патриарх; были освящены Георгиевское знамя, врученное московскому отделу Союза георгиевских кавалеров, и икона святого Георгия, переданная Московскому женскому батальону⁵⁹.

Отсылки к подвигу Второго ополчения сопровождали агитацию в пользу правительственного «Займа свободы». Подписку на него подавали как гражданский долг и символ общих усилий для спасения страны. В этом контексте оказался востребован образ Кузьмы Минина. Например, популярное иллюстрированное издание «Нива» еще в апреле сопоставляло на своих страницах «Призыв Минина к народу в 1611 г.» с «Призывом Временного правительства к “Займу Свободы” в 1917 г.»⁶⁰ В день «Займа сво-

58 Приказ по войскам г. Москвы и Московской губернии // Русские ведомости. 1917. 5 марта; Смотр гарнизона // Русская воля. 1917. 6 марта; Армейский вестник. 1917. 7 марта.

59 Всенародное молебствие // Русские ведомости. 1917. 1 июля; Праздник георгиевских кавалеров // Искры. 1917. № 26. С. 206.

60 Нива. 1917. № 16. С. 5.

боды» по Невскому проспекту разъезжали платформы с живыми фигурами, одна из которых олицетворяла Минина и Пожарского⁶¹.

Можно выделить несколько положений, которые газеты стремились популяризировать, приводя в пример Минина. Во-первых, нижегородского старосту упоминали в качестве символа единения перед внешней угрозой⁶². Особенно часто так его вспоминали издания правого направления, требуя от социалистов и их сторонников отказаться от «классового эгоизма» для спасения страны⁶³. К этой теме газеты возвращались в моменты кризисов коалиционного правительства, доказывая, что программа «правительства Мининых и Пожарских» не допускает «партийности»⁶⁴. Впрочем, сотрудник газеты русских националистов «Киевлянин» полагал, что среди «вождей демократии» вообще не могут появиться Минин и Пожарский, поскольку их ум находится «в плену доктрин»⁶⁵. Настолько же резко высказывалось эсеровское «Дело народа» о «буржуазии» («водевильных Мининых»), которая призывала социалистов и их сторонников к жертвам, но при этом сама выступала против ограничения своих «классовых вождений»⁶⁶.

Во-вторых, к организатору Второго ополчения апеллировали во время сбора денежных пожертвований. Газета «Солдатская мысль» назвала «сельскими Миниными» военных инвалидов и тыловых солдат, проводивших по селам агитацию в поддержку «Займа свободы»⁶⁷. Газеты широко растиражировали одну из первых акций массового жертвования на нужды революции. В мае 1917 г. после выступления на крестьянском съезде министра

61 Деятели искусств «Займу свободы» // Русская воля. 1917. 26 мая; Обзорение театров. 1917. № 3436. 26 мая.

62 Деятельность организаций и партий // Рижское обозрение. 1917. 7 апреля; Письма из деревни // Земля и воля. 1917. 28 апреля; Сидоров. Верный путь // Ревельское слово. 1917. 13 июня.

63 Струженцов М. И. Об отношении к переживаемым событиям // Московский Церковный Голос. 1917. 29 июня; Великое совещание // Русская воля. 1917. 14 июля; *Один из ста восьмидесяти миллионов*. Обращение к Временному правительству одного из 180 миллионов населения // Новое время. 1917. 15 августа.

64 Накануне великих решений // Русская воля. 1917. 14 июля; *Один из ста восьмидесяти миллионов*; *Quidam*. В великую годовщину // Вечернее время. 1917. 24 августа.

65 Рузский М. Изоляция демократии // Киевлянин. 1917. 29 мая.

66 Милостивые судари! // Дело народа. 1917. 15 августа.

67 Сельские Минины // Солдатская мысль. 1917. 18 июня.

земледелия А. И. Шингарёва солдаты и крестьяне стали нести в ящик для пожертвований ордена, золотые и серебряные вещи, пачки банкнот. «Собрание напоминало дни Минина и Пожарского», — гласил отчет⁶⁸. Современным Мининым был назван бывший народный учитель в Гельсингфорсе, пожертвовавший на нужды революции все свое небольшое состояние и снявший с себя золотые часы, перстень и запонки⁶⁹. Главная советская газета «Известия» с удовлетворением писала, что, проникнувшись мининским духом, все население отдает последние гроши на нужды революции⁷⁰.

В-третьих, подражать Минину означало быть готовым к самопожертвованию. Солдаты на фронте вспоминали пример нижегородского старосты, обращаясь к крестьянам, чтобы те не сопротивлялись реквизициям хлеба, который был нужен на передовой. Они считали это необходимой жертвой⁷¹. На съезде офицерских депутатов в мае выступил рядовой: «Пусть лучше нас перебьют, но жить среди предателей и трусов радость не велика!» Корреспондент главной газеты военного ведомства прокомментировал эти слова как показатель, что «живы пожарские и минины в армии, и их голос [звучит] громко, открыто и честно»⁷². В том же ключе использовались отсылки к Минину, когда дело касалось инициатив по созданию добровольческих подразделений в тылу и на фронте⁷³. Инструктор женского батальона обращался к читателям «Биржевых ведомостей» со словами: «Господа, товарищи, граждане, в ком не уснуло сердце, в ком душа гражданина, человека, а не зайца, не кричите: “мир сейчас же”, не кричите “не пойдём”, не заставляйте своей трусостью, тупым страхом идти на ужасы наших сестер, жен и матерей. Будьте Мининскими, иначе смерть лучших из нас — наших сестер — падет

68 Русское крестьянство // Ревельское слово. 1917. 25 мая.

69 Современный Минин // Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 2 июня.

70 Финансовый отдел. Пожертвования революции // Известия. 1917. 30 июля.

71 Крестьяне — армии // Голос солдата. 1917. 13 мая.

72 Фотиев Н. На съезде офицерских депутатов // Русский инвалид. 1917. 19 мая.

73 Письма в редакцию // Русский инвалид. 1917. 28 мая; Действующая армия // Власть народа. 1917. 4 августа.

несмываемым пятном, неизгладимым позором на нас здоровых сильных людей»⁷⁴.

Во второй половине года в газетах чаще звучали ноты разочарования по поводу готовности граждан к патриотическому подвигу. Призывы быть Миниными сменялись риторическими вопросами: «Где Минины и Пожарские?» Ответ, как правило, был неутешительный⁷⁵. В начале августа массовая «Газета для всех» опубликовала фельетон, в котором Минин вновь оказался в современных реалиях. Герой прошлого огласил перед собравшимися свой знаменитый призыв заложить жен и детей. В ответ на него предприимчивые граждане стали предлагать первым встречным жениться, чтобы их заложить, а в толпе обсуждали уклонение от налогов. Вывод автора фельетона заключался в том, что современный обыватель был готов заложить все что угодно, но только не отдавать деньги государству⁷⁶.

Осенью мининская тема стала появляться в корреспонденции с передовой, переплетаясь с антитыловыми настроениями солдат. Фронтовики сетовали, что тыл в должной степени не помогает фронту⁷⁷. Характерными были такие слова из армейской газеты: «Не забудьте, что для тех, кто в армии, Минин встречался только в истории Иловайского с картинками, а не в жизни. Не забудьте, что нужны жертвы, примеры не только из среды обреченных на смерть»⁷⁸. Солдаты требовали от граждан в тылу равняться на патриотический образ прошлого.

«Граждане капиталисты, будьте Миниными»

После падения монархии с новой силой проявились антибуржуазные публикации. Весной 1917 г. разные авторы озвучили надежду, что предприниматели смогут исправить свою репутацию

-
- 74 Ром-ский К. Женский батальон смерти // Биржевые ведомости. 1917. 5 июня.
 75 Михайлов Г. Где же Великороссы? (письмо в редакцию) // Новое время. 1917. 10 июня; Новоков Б. Историческое // Русская воля. 1917. 16 августа; Балясников К. Одна надежда // Земля. 1917. 6 октября; На рубеже // Московские ведомости. 1917. 24 октября.
 76 Пиляй Е. [Фельетон] // Газета для всех. 1917. 3 августа.
 77 Довольно губить родину! (письмо с фронта) // Земля. 1917. 17 октября; Воззвание общearмейского комитета // Армия и флот свободной России. 1917. 21 октября.
 78 Попов П. Фронт и тыл // Голос фронта. 1917. 22 сентября.

«мародеров» и помогут стране»⁷⁹. Особенно важным в этом отношении оказался Съезд делегатов с фронта, проходивший 29 апреля — 4 мая в Петрограде. На последнем заседании было принято обращение ко всему населению России. Фронтовики призывали солдат тыла пополнить окопы: рабочих — поддерживать работу, крестьян — дать хлеба фронту и т. д. В этой резолюции прозвучал призыв и к предпринимателям: «Граждане-капиталисты. Будьте Миниными для своей родины. Откройте свои сокровищницы и спешите нести свои деньги на нужды освобожденной России»⁸⁰. Через несколько дней воззвание опубликовал в приказе по армии и флоту новый военный министр А. Ф. Керенский⁸¹. Именно эту фразу использовали для рекламы «Займа свободы», нередко сопровождая ее портретом Керенского⁸².

Призыв к капиталистам оказался очень востребованным среди солдат. В те же летние месяцы на страницах военных газет публиковались резолюции из действующей армии, призывавшие по примеру Минина пожертвовать свое состояние на нужды страны⁸³. Так, в резолюции комитетов одного из полков Северного фронта говорилось: «Капиталисты и помещики должны дать средства на борьбу, если им честь и свобода “родины” дороже их золота. Мы требуем, чтобы каждый из них был Мининым, чтобы не словами, а на деле доказал свою бескорыстную любовь к “родине”. Свои капиталы вы нажили в России, так отдайте же их ради ее спасения»⁸⁴. Солдаты считали, что быть Миниными

79 «Запоздалые минины» // Живое слово 11 марта; Первый Всероссийский Торгово-Промышленный Съезд в Москве. 19–22 марта 1917 года. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918. С. 247.

80 Приказ армии и флоту 5 мая // Русский инвалид. 1917. 9 мая.

81 Там же. Стоит отметить, что в воззвании, выпущенном в качестве приказа по армии и флоту, отсутствовала часть резолюции с призывом к Совету «принять энергичные действительные меры к ликвидации этой кровавой бойни» и к Церкви — отказаться от монастырских богатств (см.: Съезд делегатов фронта // Воля народа. 1917. 5 мая).

82 Русский инвалид. 1917. 16 мая; Маленькая газета. 1917. 17 мая; Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. 18 мая; Петроградский листок. Иллюстрированное приложение. 1917. 1 июня; Живое слово. 1917. 15 июня; Киевская мысль. 1917. 5 августа; Киевлянин. 1917. 5 августа.

83 Обращение к капиталистам // Голос III армии. 1917. 8 июля; Обращение к капиталистам // Голос солдата. 1917. 9 июля; Действующая армия, 4 августа // Армейский вестник. 1917. 4 августа.

84 Голос фронта // Солдатская мысль. 1917. 13 июня.

являлось обязанностью предпринимателей как граждан. Таким образом стиралась грань между добровольными и обязательными жертвами.

Принять на себя роль Минина готовы были и сами представители бизнеса. Крупный предприниматель А. И. Путилов пустился в исторические аналогии на открытии собрания торгово-промышленных деятелей в конце мая 1917 г. Он радовался, что вера в свободную Россию помогла пережить «Гришку Отрепьева и Гришку Распутина», и надеялся, что она прогонит «ленинских воров», так же как в свое время Тушинского вора. Особое место в преодолении «Смутного времени» предприниматель отводил представителям бизнеса: «Торгово-промышленный класс должен стать снова Мининым, а нашему военному министру А. Ф. Керенскому пожелаем стать воеводой Пожарским наших дней. И тогда Россия будет спасена и выйдет сильной из тяжелого испытания»⁸⁵.

Однако в социалистической прессе летом 1917 г. появился целый ряд публикаций, критиковавших предпринимателей за то, что они, в отличие от Минина, много говорили о долге перед отечеством и жертвах ему, но на деле не собирались делиться своими сбережениями⁸⁶. Правоэсеровская «Воля народа» утверждала, что «буржуазия» и кадеты не готовы поступиться своими экономическими интересами для спасения страны: «Образ Минина далек от них. Готовности к жертвам не видно»⁸⁷. Миниными в кавычках эсеровская газета «Дело народа» называла петроградских домовладельцев, протестовавших против инициативы повысить налоги для нужд «нищенствующего города»⁸⁸, и фабрикантов Нахичевани, проигнорировавших предложение помочь семьям мобилизованных⁸⁹. Газета приводила и другие примеры, когда «капиталисты» отказывались жертвовать в пользу страны, выступали против ограничения своих прибылей, регулирования производства, обложения налогами своих доходов.

85 Русская промышленность о войне // Русская воля. 1917. 26 мая.

86 В черные дни // Голос солдата. 1917. 21 мая; Армейский съезд // Голос III армии. 1917. 23 мая; Кем владеет эгоизм? // Известия. 1917. 25 мая; Золотую реку, текущую за границу, хотят пресечь // Маленькая газета. 1917. 4 июня.

87 Пока не поздно // Воля народа. 1917. 18 июля.

88 Колелиович Я. Предвыборное // Дело народа. 1917. 27 мая.

89 Нахичеванские Минины // Дело народа. 1917. 15 июня.

«Минины-Сухоруки, где вы?.. Существоете ли?.. Не милости ждет от вас страна, а исполнения элементарного долга», — возмущалась газета⁹⁰.

«Новая жизнь» и «Воля народа» одновременно откликнулись на сопротивление крупных предпринимателей идее принудительного займа. Две социалистические газеты с противоположных флангов 7 июня опубликовали статьи с похожим названием. «Новая жизнь» выпустила заметку «Современные Кузьмы Минины», а «Воля народа» — «Минины современности». Сотрудник первой газеты критиковал «граждан капиталистов», которые много говорили о своем патриотизме, при этом фактически бойкотировали «Займ свободы». «Современные Кузьмы Минины», по его словам, вместо того чтобы отдать последнее для спасения отечества, предлагали различные проекты принудительного займа, выгодные им самим⁹¹. Сотрудник «Воли народа» восклицал: «И спрашивается, так ли велика жертва современных Мининых на алтарь отечества? Я ее не вижу. Я вижу своекорыстный страх за свою кубышку, за свое купеческое благополучие». Хотя стране очень требовались деньги, по мнению журналиста, предприниматели («Минины с Ильинки») не готовы были поделиться своими богатствами⁹².

Своеобразным откликом на обвинения «буржуазии» в отказе жертвовать своими средствами ради страны стала речь П. П. Рябушинского на Втором Всероссийском торгово-промышленном съезде в начале августа. Обсуждая требования постоянной денежной помощи со стороны правительства, крупный предприниматель не удержался от исторических аналогий. В его интерпретации Минин, собрав деньги для войска, «наблюдал за этой народной казной, и сам ее расходовал на нужды государства»⁹³. Рябушинский имел в виду, что необходим контроль за государственными расходами, в том числе путем включения представителей крупного бизнеса в правительство. Оратор закончил свою речь на патетической ноте: «В этот трудный момент, когда надвигается

90 Оплоть о «самоограничении» // Дело народа. 1917. 3 августа.

91 Авиллов Б. Современные Кузьмы Минины // Новая жизнь. 1917. 7 июня.

92 Е-в С. Минины современности // Воля народа. 1917. 7 июня.

93 Торгово-промышленный съезд // Новое время. 1917. 4 августа.

новое смутное время, все живые культурные силы страны должны образовать одну дружную семью. Пусть проявится стойкая натура купеческая. Люди торговые, надо спасать землю русскую»⁹⁴. Рябушинский, подражая стилю XVII в., утверждал, что предприниматели станут буквально спасителями отечества.

Эта речь вызвала всплеск публикаций, доказывавших, что стремление походить на Минина никак не вязалось у предпринимателей с тем, что они не в состоянии проникнуться идеей гражданского долга и желают лишь получить власть в свои руки⁹⁵. Бундовец В. А. Канторович утверждал, что слова Рябушинского лишний раз продемонстрировали неискренность «буржуазии» в стремлении помочь стране. «Все помыслы просвещенного Минина направлены в сторону своего, хозяйственного господства», — комментировал политик⁹⁶. Главная советская газета «Известия» резюмировала свои размышления по поводу скандальной речи: «Спасут или нет Минины 20 столетия Россию со своим секретом спасения нации, мы, конечно, не знаем, но мы знаем одно, что если эти господа получают власть хотя на один миг, то прежде всего и раньше всего они будут спасать свои карманы и успеют весьма и весьма их приумножить»⁹⁷.

Одним из немногих защитников «буржуазии» выступил лидер меньшевиков И. Г. Церетели. На заседании Петроградского совета 21 августа со стороны большевиков прозвучали обвинения «вождей революционной демократии» в том, что на Московском совещании они пошли на соглашение с представителями общественных торгово-промышленных организаций. В частности, вспомнили рукопожатие прогрессиста А. А. Бубликова и социалиста И. Г. Церетели. В ответ последний произнес речь, обращаясь к большевикам. Он доказывал, что для стабилизации ситуации в стране «необходимо согласовать свои классовые интересы с интересами общими, интересами родины». «Ваши представители

94 Торгово-промышленный съезд.

95 Действующая армия, 6 августа // Армейский вестник. 1917. 6 августа; Григорьев Р. Деловая программа промышленников // Новая жизнь. 1917. 8 августа; Р. Прожекторство // Утро правды (Ревель). 1917. 11 августа; Ивановский П. Два купца // Армейский вестник. 1917. 11 августа.

96 Канторович В. Большая общественность // День. 1917. 8 августа.

97 Широкие натуры // Известия. 1917. 5 августа.

спрашивали у меня, где современные Минины в рядах буржуазии? — говорил Церетели. — Я вам на это заявляю, что буржуазия поняла нужды страны и готова принести для ее спасения все на алтарь отечества, при условии, если и демократия оценит положение родины. Но где же Минины в ваших рядах?» Лидер меньшевиков имел в виду, что большевики, присоединившись к выступлению 3–5 июля, не действовали в интересах страны. В то же время Церетели пожал руку Бубликову как раз после его слов о том, что «торгово-промышленный класс» готов работать на пользу страны вместе с умеренными социалистами⁹⁸.

Несмотря на критику, отсылки к примеру Минина для предпринимателей оставались актуальными и осенью 1917 г. Активный деятель кооперативного движения А. А. Евдокимов, выступая на Чрезвычайном Всероссийском кооперативном съезде, призывал сформулировать политическую программу для участия в выборах в Учредительное собрание. При этом он предлагал взять в качестве модели поведения нижегородского старосту. «Мясник Минин ... не занимался политикой, пока возможна была торговля мясом, но когда она оказалась невозможной, он повесил замок на лавочку и ушел в политику. Мы волей или неволей должны будем повесить замок, потому что заниматься своим прямым делом окажется невозможным, и нам останется или принять участие в политической жизни или дезертировать»⁹⁹. В качестве необходимой политической программы оратор привел телеграмму сибирских маслодельных артелей. Они требовали прекратить партийные распри и организовать сильную власть. «Национальная идея должна сделаться линией поведения кооператоров», — заключал Евдокимов¹⁰⁰.

Через несколько дней аналогичную программу обсуждали участники Второго совещания общественных деятелей в Москве. Вновь прозвучали отсылки к лидерам Второго ополчения. Философ Е. Н. Трубецкой, близкий к кадетам, в своей речи провел прямые аналогии с XVII в. Он утверждал, что в период Смуты

98 И. Г. Церетели о вредной деятельности большевиков // Петроградская газета. 1917. 22 августа.

99 Чрезвычайный всероссийский кооперативный съезд // Власть народа. 1917. 6 октября.

100 Там же.

значительную часть польских войск составляла «русская сволочь, прикованная надеждой на грабеж». Оратор назвал их «тогдашними большевиками». Собравшихся же он считал Мининскими и Пожарскими. Трубецкой прояснил суть своих аналогий: «для них родина — это класс, а класс — это корысть»; «для нас родина — это духовное единство, это есть преемственная связь поколений, это есть наше единство с отцами»¹⁰¹. Иными словами, оратор считал, что его оппоненты придерживались классовых убеждений, что означало их «классовый эгоизм» и мешало им действовать в интересах всей страны. Такое поведение Трубецкой считал не просто непатриотичным, но и антигосударственным.

Генерал А. А. Брусилов на том же совещании высказался, что речи ораторов о «сильной власти», о необходимости Минина и Пожарского бессмысленны, пока сам народ под воздействием ухудшающихся обстоятельств не потребует порядка. Пока большинство населения не готово было принять сильную власть, любые спасители отечества, Минины и Пожарские, будут преждевременными. Преждевременным Пожарским Брусилов назвал генерала Л. Г. Корнилова, поднявшего выступление для установления военной диктатуры в августе 1917 г. «И если бы явился и Минин, то и Минин сидел бы в Быхове, или где-нибудь его бы укокошили», — сказал бывший главнокомандующий¹⁰². Как мы видим, образ героя Смутного времени становился не просто примером национального единения перед лицом внешней угрозы, но и символом спасения от революции, внутренней смуты.

Использование подобного образа можно встретить не только в текстах правых и либеральных политических групп. В социалистической прессе еще с лета 1917 г. отсылки к Минину как спасителю отечества считывались как стремление контрреволюционных сил взять власть в свои руки. Так, на волне арестов после Июльского выступления эсеровская газета «Революционный народ» почувствовала, что «убежденные монархисты» «вылезли из подполья, объявляют себя Мининскими, делают попытки восстановить рухнувший трон»¹⁰³. Примерно в то же время

101 2-е московское совещание общественных деятелей // Утро России. 1917. 13 октября.

102 2-е московское совещание общественных деятелей // Утро России. 1917. 14 октября.

103 *Родин. Дума оживает* // Революционный народ. 1917. 25 июля.

петроградская газета «Земля и воля», близкая левому крылу партии эсеров, убеждала своих читателей, что в новых условиях «буржуазия» рассчитывала, что «напуганный и сбитый с толку российский обыватель» «придет к кому-либо из отечественных Мининых купеческого звания и кадетского образа мысли и поручит ему княжить и владеть собою»¹⁰⁴. В середине августа большевистский «Пролетарий» предсказывал, что антиреволюционные силы готовят установление военной диктатуры. Доказательством тому газета приводила высказывания П. П. Рябушинского, почувствовавшего себя Мининим, спасающим родину¹⁰⁵. В начале октября меньшевистская «Рабочая газета» повторила неновую мысль, что попытки насильственного отстранения от власти Временного правительства приведут к гражданской войне, которая закончится победой контрреволюции. Но, реагируя на статью в правой газете «Новая Русь», ожидавшей скорое окончание нового «Смутного времени», социалистическое издание сформулировало исход гражданской войны следующим образом: «...измученная Россия бросится в объятия к любому доморощенному Бонапарту, любому Минину и Пожарскому, о котором уже пророчествует Новая Русь»¹⁰⁶.

Образ Минина использовался в социалистической прессе и для обозначения символического союзника в борьбе против «буржуазии». Меньшевик Н. А. Рожков опубликовал в конце августа 1917 г. статью в «Новой жизни». Доказывая необходимость введения поимущественного налога, он упомянул популярного среди либералов героя прошлого: «Надо потребовать от буржуазии тех же жертв, которых в свое время потребовал Минин: ибо он взял их именно в виде поимущественного налога. И он, будучи в XVII в. членом временного правительства, его министром финансов, не постеснялся принудить буржуазию к этой жертве»¹⁰⁷. Мнение Н. А. Рожкова являлось тем более авторитетным, что он был историком, специалистом по XVI–XVII вв. Ту же мысль повторил почти ровно через два месяца

104 Петроград 1 августа // Земля и Воля. 1917. 1 августа.

105 Куда ведет Московское совещание // Пролетарий. 1917. 13 августа.

106 Ленинцы и корниловцы // Рабочая газета. 1917. 8 октября.

107 Рожков Н. Точка опоры // Новая жизнь. 1917. 24 августа.

большевик Н. Н. Кузьмин на страницах «Деревенской бедноты». Автор начал с того, что «помещичьи газеты» упрекают рабочих и крестьян в том, что они мало жертвуют для защиты родины, приводя в пример Кузьму Минина. В его интерпретации для уплаты жалования ополченцам нижегородский староста потребовал жертвовать деньги или даже отбирать имущество. «Вот и мы то же предлагаем, — писал Н. Н. Кузьмин, — чтобы богачи и денег бы дали, а то и дворы свои отдали, раз они так хотят воевать без конца»¹⁰⁸. Автор утверждал, что новое правительство потребует «награбленные барыши по-минински», введя высокий поимущественный налог для обеспеченных слоев населения¹⁰⁹. Используя популярный исторический образ против своих политических оппонентов, авторы представляли антибуржуазную реформу как патриотическую меру.

Заключение

Дискуссии вокруг образа Кузьмы Минина могут быть иллюстрацией «войны патриотизмов», о которой писал В. Б. Аксёнов¹¹⁰. До падения монархии противоборствующие политические лагеря оспаривали друг у друга право называться наследниками Минина и стремились использовать этот образ друг против друга. В борьбе консерваторов и либералов за знаменитого нижегородца проявились два конкурирующих типа патриотизма. Для монархистов защита страны означала династическую лояльность. Ассоциируя себя с Мининым-монархистом, эти политические силы воспринимали любые попытки покушения на власть монарха как непатриотичное поведение, вплоть до причисления к либеральной оппозиции, к антигосударственным силам Смутного времени. Либералы обращались к историческому примеру, чтобы показать, что без поощрения инициативы общества победа невозможна. Такой образ Минина актуализировал необхо-

108 Кузьмин Н. О Козьме Минине // Деревенская беднота. 1917. 26 октября.

109 Там же.

110 Аксёнов В. Б. Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023.

димось опоры власти на самоорганизацию населения и местное самоуправление.

В 1917 г. Смута как актуальная аналогия использовалась преимущественно правыми, консерваторами и отчасти либералами. Соответственно, в этих кругах в большей степени был востребован образ Минина как «спасителя отечества». У левых же политических сил он чаще приобретал иронический или негативный оттенок. Социалисты высмеивали претензии своих оппонентов, желающих сыграть роль Минина.

Дискуссии об образах Минина запечатлели социальный конфликт. Социалистическая пресса порицала «буржуазию» за недостаточную жертвенность. Существовало предубеждение, что предприниматели лучше защищены от рисков войны и что общие жертвы распределялись неравномерно между слоями общества. Их деятельность могла восприниматься как направленная не на пользу народа, непатриотичная. В результате они вытеснялись из сообщества, где каждый вкладывал в общие жертвы.

Обвинение в «классовом эгоизме» стало звучать в отношении наименее обеспеченных слоев населения. Предприниматели чувствовали, что в новых условиях низы общества находятся в более привилегированном положении. А поднимаемый снова и снова вопрос о введении регулирования государством частной собственности и доходов делал представителей бизнеса еще и менее защищенными. В 1917 г. правые и либеральные газеты обвиняли рабочих и солдат в том, что они не достойны памяти Минина, а следовательно, звания граждан. Как показывает использование образа организатора Второго ополчения, гражданином мог считаться тот, кто жертвует всем ради родины. Соответственно, «непартиотизм» низов ставил под сомнение их право на политическое участие.

В целом в 1917 г. заметно вытеснение патриотического образа исторического персонажа. Образы псевдо-Минина или анти-Минина прежде всего фиксируют сомнения в желании отдельных слоев общества активно участвовать в защите страны. Обращение к фигуре героя Смутного времени для взаимных обвинений лишь дополнительно подчеркивало, что в российском обществе классовый конфликт превосходил национальную солидарность.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов В. Б. Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 486 с.
- Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
- Зорин А. А. Корня двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- Иванов А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: Дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. 2022. № 4. С. 884–905.
- Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009. 430 с.
- Киселева Л. Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в. // Лотмановский сборник. Вып. 3 / ред. Л. Н. Киселева и др. М.: ОГИ, 2004. С. 69–92.
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» март — июнь 1917. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 511 с.
- Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 380 с.
- Люкшин Д. И. Вторая русская смута: Крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. 148 с.
- Сапон В. П. «Козьма Минин... встает, и смотрит на нас...» (Мининский подвиг как фактор патриотической мобилизации российского общества в годы Первой мировой войны) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 4 (27). С. 44–50.
- Токмарев В. И. Царицын: От Февраля до Октября // Отчий край. 2017. № 1 (93). С. 78–87.
- Шмелёв А. В. Революция или смута? Полемика о событиях 1917 г. и последующих лет // Слова и конфликты: Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России / под ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 60–80.
- Robert J.-L. The image of the profiteer // Capital cities at war. Paris, London, Berlin 1914–1919 / ed. J. Winter and J.-L. Robert. Cambridge: Cambridge university press, 1997. P. 104–132.
- Smith-Peter S. Pozharskii's Grave and the Search for the Russian Nation in the Nineteenth Century // Slavic Review. 2023. Vol. 82. № 1. P. 69–89.
- Stockdale M. Mobilizing the Russian Nation: Patriotism and Citizenship in the First World War. Cambridge: Cambridge university Press, 2016. 284 p.

REFERENCES

- Aksyonov V. B. Voyna patriotizmov: Propaganda i massovye nastroyeniya v Rossii perioda krusheniya imperii. Moscow: New Literature Review Publ., 2023. 486 p. In Russian.
- Buldakov V. P. Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 965 p. In Russian.
- Zorin A. A. Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII — pervoy treti XIX veka. Moscow: New Literature Review Publ., 2001. 416 p. In Russian.
- Ivanov A. A. Reaktsionery, chernosotentsy, belogvardeytsy, fashisty: Definitii russkogo pravogo lagerya nachala XX veka // Noveyshaya istoriya Rossii. 2022. № 4. P. 884–905. In Russian.
- Karpenko S. V. Belyye generaly i krasnaya smuta. Moscow: Veche Publ., 2009. 430 p. In Russian.
- Kiseleva L. N. K formirovaniyu kontsepta natsional'nogo geroya v russkoy kul'ture pervoy treti XIX v. // Lotmanovskiy sbornik. Vyp. 3 / red. L. N. Kiseleva i dr. Moscow: OGI Publ., 2004. P. 69–92. In Russian.
- Kolonitskii B. I. «Tovarishch Kerenskiy»: Antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovaniye kul'ta «vozhdya naroda» mart — iyun' 1917. Moscow: New Literature Review Publ., 2017. 511 p. In Russian.
- Kostrikova Ye. G. Geopoliticheskiye interesy Rossii i slavyanskiy vopros: Ideynaya bor'ba v rossiyskom obshchestve v nachale XX veka. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2017. 380 p. In Russian.
- Lyukshin D. I. Vtoraya russkaya smuta: Krest'yanskoye izmereniye. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2006. 148 p. In Russian.
- Sapon V. P. «Koz'ma Minin... vstayet i, smotrit na nas...» (Mininskiy podvig kak faktor patrioticheskoy mobilizatsii rossiyskogo obshchestva v gody Pervoy mirovoy voyny) // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2014. № 4 (27). P. 44–50. In Russian.
- Tokmarev V. I. Tsaritsyn: Ot Fevralya do Oktyabrya // Otchiy kray. 2017. № 1 (93). P. 78–87. In Russian.
- Shmelyov A. V. Revolyutsiya ili smuta? Polemika o sobytiyakh 1917 g. i posleduyushchikh let // Slova i konflikty: Yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya grazhdanskoy voyny v Rossii / red. B. I. Kolonitskii i dr. St. Petersburg.: European University at St. Petersburg Press, 2022. P. 60–80. In Russian.
- Robert J.-L. The image of the profiteer // Capital cities at war. Paris, London, Berlin 1914–1919 / ed. J. Winter and J.-L. Robert. Cambridge: Cambridge university Press, 1997. P. 104–132.
- Smith-Peter S. Pozharskii's Grave and the Search for the Russian Nation in the Nineteenth Century // Slavic Review. 2023. Vol. 82. № 1. P. 69–89.
- Stockdale M. Mobilizing the Russian Nation: Patriotism and Citizenship in the First World War. Cambridge: Cambridge university Press, 2016. 284 p.